

— В твоей голове это пошло по-другому, не так ли, — сказал я, глядя на чернильно-чёрную кучу костей и желчи, которую Сорея выблевал в мою открытую ладонь. Они были тёплыми, теплее, чем должны были быть. Даже по меркам культиваторов они были обжигающе горячими.

— Ты только что съел это, — сказал Грифон, обращаясь к моей птице с недоверчивым отвращением. — Как ты так быстро переварил вторую?

Мои глаза закатились: «Это не настоящая ворона. Мы понятия не имеем, из чего вообще создана эта плоть».

— Из пневмы, очевидно. — Он подошёл к труп убийцы, которого он насадил на трезубец каменного стража. Он без колебаний осквернил его, вытолкнув мертвеца из спокойной позы, в которую я его уложил, и повернув его голову туда-сюда. Он схватил его за челюсть и заглянул в его раскрытый рот, затем в узкие проходы ноздрей и ушей.

Мне пришло в голову, что это, возможно, была первая жизнь, которую забрал Молодой Аристократ Розовой Зари.

— В его мантии не было другой вороны? — спросил он. На мой отрицательный ответ он хлопнул ладонью по выдолбленному камню рядом с лицом трупа и поднялся на ноги. Он повернулся и зашагал по плитке.

— Что есть Ворона без крыльев? — пробормотал Грифон, почти про себя, свирепо нахмурившись. Он сплюнул. — Никто.

— Они могли послать только одну на двоих из них, — предположил я. Алые глаза злобно посмотрели в мою сторону.

— Тогда скажи мне, мастер. Сколько Ворон без крыльев ты встретил в ночь похорон кириоса?

Я нахмурился, рассматривая груд обжигающе горячих хрящей в моей ладони. Мои воспоминания были во многом смазаны, но каденция всегда была чёткой. Устойчивый ритм легионов прокладывал яркий путь сквозь мутные воспоминания. Я шёл по этому пути, беззвучно произнося слова, и в эти хрустальные мгновения я вспомнил Ворон.

Я вспомнил, как они сломались. Как они прятались, как они разбегались, как они кричали. Никогда в жизни я так и не приблизился к алебастровым высотам того, что Греки называют Героическим Царством – но в ту ночь это не имело большого значения. Я умел вести более слабых людей против более сильных врагов, чем они. С Анастасией, Скифасом и Джейсоном на моей стороне у них не было ни единого шанса.

Я вспомнил, как они пали. И я вспомнил звуки бьющихся крыльев в тени, когда они убегали.

— Сорея, — сказал я. Орёл-посланник напряг свои огромные когти вокруг моего предплечья, достаточно сильно, чтобы показать, что он понял меня. — Ты заметил ещё одного? — Добродетельный зверь или нет, это всё ещё была лишь птица. Однако взгляд, которым Сорея

одарил меня в ответ на этот вопрос, был совершенно безошибочным. — Это "нет".

— Ублюдок, должно быть, отправил его, когда я прибыл. — Грифон вернул себе украденные тряпки и провёл по ним горящими руками вверх и вниз, с гримасой глядя на три зияющих дыры от трезубца в ткани. — Сол, обменяйся со мной.

— Ни за что, — сказал я без колебаний, бросив чернильно-чёрные кости вороны на край пруда с оливковым маслом и смахнув Сорею с руки. Он подошёл к костям, тихонько щелкая клювом. — Оставь их. — Птица возмущённо каркнула, но повиновалась, вылетела из храма и растворилась в ночи.

Я выжимал одежду мертвеца, наблюдая за тем, как оставшаяся влага капля за каплей падает в пруд. Я созерцал отражение Грифона, мрачное выражение его лица, когда он перебирал в руках свой комплект полуночного одеяния.

— Ты никогда раньше не убивал человека, — сказал я без осуждения. На мгновение его глаза дрогнули.

— Неверно.

Ложь, построенная на правде: «Ты никогда раньше не убивал человека до сегодняшнего дня, — уточнил я. Его молчание говорило за него. — Это потрясло тебя. Я знаю». — Застывшие мгновения, воспоминания обо всех людях, с которыми я стоял плечом к плечу, когда они забирали свою первую жизнь. Всех людей, кому я приказал запятнать свои руки.

Стремясь к высшему идеалу, люди Рима могли нести это бремя без сожаления. С рукой Гая, направляющей их, легионеры поражали врагов Республики без страха перед небесами над головой. Но даже так и даже тогда эта кровь могла утопить тебя так же верно как море. Соль и пепел.

Я рассматривал отражение своего единственного истинного спутника в этом варварском мире и гадал, сколько мертвецов понадобится, чтобы утопить его.

— Это не слабость, чтобы сожалеть...

— Я не жалею.

Мои руки сжались вокруг свёртка чёрной ткани, выжимая из него струйку оливкового масла, которая ударила в пруд и исказила его отражение рябью. Я посмотрел на него. Его лицо соответствовало его словам. В его челюсти не было сожаления, в сузившихся глазах не было печали. Лишённый его обычного юмора, то что осталось было тем же фундаментом, который был всегда. То, что я узнал в тот день, когда встретил его.

— С момента моего рождения я знал ценность моей души. — Слова прозвучали совершенно искренне. Без сомнений. — Моя жизнь — моя. Если кто-то попытается забрать её, я без колебаний заберу их первым. Мне не о чем сожалеть.

Я не стал спорить. Я знал правду, когда видел её.

— Безумный Грек, — сказал я с горечью. Он слабо ухмыльнулся и застегнул на талии изуродованную чёрную мантию, скрывающую его наряд Розовой Зари и золотую тунику,

превращённую в импровизированный ранец.

— Ты всё ещё хочешь сделать это? — Я уже знал ответ. Я пожал плечами, накинув маскировку мертвеца поверх мантии цвета индиго. То, что висело свободно на несостоявшемся убийце, оказалось достаточно тесным, чтобы мне было неудобно сражаться в нём, поэтому я не стал утруждать себя его ношением, как предназначалось, и накинул в качестве плаща.

Казалось бы, обыденный материал расплывался по краям моего восприятия, исчезая в тенях вокруг нас, как мазок краски на холсте. Становясь всё тоньше и сливаясь воедино. Как будто я был частью этого места, так же как и всё остальное. Обернув слои вокруг своего тела, я почувствовал, как моё собственное ощущение себя, ощущение моего жизненного дыхания, исчезает в анонимности.

Это было не совсем то же самое, но это было ближе к тем железным оковам, чем должно было быть.

— Конечно, — сказал Грифон, вырывая меня из моих мыслей. На голове у него теперь был Ворóний капюшон, скрывавший его самые разительные черты. Он даже что-то сделал со своими волосами, пока я не смотрел, не давая им рассыпаться по его плечам как обычно. — Ты тоже это заметил, не так ли?

— Ткань скрывает, — сказал я, и когда на моё лицо опустился тонкий чёрный капюшон, достаточно тонкий, чтобы без проблем видеть сквозь него, мой голос тоже изменился. Не достаточно, чтобы принадлежать кому-то другому, но достаточно, чтобы не принадлежать мне.

— Что есть маска, если не инструмент анонимности? — размышлял Грифон, наклонившись над бортиком пруда, чтобы рассмотреть себя.

Я заметил несколько очевидных недостатков в его маскировке.

— Бесполезно, когда ты всё ещё полуголый. — Как ни странно, мне было скорее приятно, чем тревожно слышать голос незнакомца, выносящий приговор его глупости вместо моего собственного. На мгновение мне показалось, что я не единственный здравомыслящий человек, оставшийся в этом мире.

Грифон пожал плечами, не обращая внимания: «Ты не обменяешься со мной, и я отказываюсь носить тунику, испещрённую дырами».

— Любой человек с похорон сразу же узнает тебя.

— Не будь так уверен, — легкомысленно сказал он, собрал в ладони ворóньи кости и окунул их в пруд. Чужая пневма, совершенно отличная от пневмы Грифона, но всё же без сомнения его, проникала в пруд и, в частности, в кости, прорезая их так же, как вечность назад он прорезал кусок мрамора на испытаниях посвящения Розовой Зари.

Чернильно-чёрные кусочки костей закрутились и рассеялись в оливковом масле, окрасив пруд в чёрный цвет. Образовав грозовую тучу под ногами хриселефантинового короля. Руки панкратиона, которые по ощущениям были не похожи ни на что, с чем я когда-либо сталкивался прежде, но не могли быть ничем иным, кроме как яростным намерением самого Грифона, одна за другой погружались в пруд, собирая чернильно-чёрное оливковое масло в бесплотные ладони.

Я наблюдал, как двадцать рук проводят по обнажённому торсу Грифона, вдоль его плеч и

вокруг спины. Линии, которые они проводили, казались случайными: кружащиеся петли вокруг его рук и неровные линии вверх и вниз по мускулатуре груди. И только когда они отошли, хлопнув друг о друга в знак удовлетворения, я увидел полную картину.

Он выглядел совершенно другим человеком. Это было столько же из-за чернил, сколь и из-за ткани. Чёрные татуировки из оливкового масла, нанесённые с потрясающей точностью. Он не просто скрыл чёткие линии мышц, которые любой из наших спутников мог бы определить в мгновение ока. Он обвёл их рамкой, проследил их, и провёл кистью слегка за их пределами. Недостаточно, чтобы привлечь внимание случайного взгляда.

Но достаточно, чтобы предложить несколько иное толкование. Если сосредоточиться на какой-то одной детали, то их было не так много. Но в целом линии его мышц выглядели совершенно иначе.

Я не мог видеть его лицо за капюшоном, но молчаливо разведённые руки были достаточно явным ожиданием. Я хмыкнул, и это было достаточным ответом для него. Он усмехнулся и зашагал к внешнему периметру полого храма, к статуям часовых, которые ждали в арках.

— Мы всё ещё слепы, — напомнил я ему. Он выхватил истинно бронзовое копьё из мраморных рук, державших его, и тщательно взвесил его, а затем пожал плечами и бросил его мне через плечо. Я поймал удивительно тяжёлое оружие и покрутил его в правой руке. Это было хорошее оружие. Лучшее из того, что я держал в руках за последний год.

— Значит, мы будем собирать информацию. Силой, если понадобится. Хотя я не могу представить, чтобы кто-то постеснялся довериться тебе. — Он выхватил у другого безликого часового сверкающий лук и крылатую стрелу, подержал их около мгновения, а затем бросил на землю и пошёл дальше. Она глухо звякнула о священный камень. Тонкие волоски на моем затылке поднялись.

— Мне кажется, что это неправильный подход.

Грифон взял широкий топор из сжатых мраморных кулаков и перебросил его из руки в руку и в руку панкратиона, удовлетворённо кивнув.

— Осторожнее, брат, — сказал он беззаботно. — Есть тонкая грань между осторожностью и трусостью.

— А как насчёт дерзости и безумия? — ответил я, беззаботно. Свет факела уловил узор на рукояти копья, когда я вращал его, мерцающие дорожки фактурной бронзы, которые отличались друг от друга достаточно, чтобы быть эстетичными. — Ты знаешь крайне мало о буре, назревающей здесь, и я знаю ещё меньше. И ты предлагаешь окунуться в неё с головой.

— Зачем ты здесь, Сол? — спросил Грифон, созерцая безликое лицо нависшего над ним часового.

— Чтобы найти моего наставника.

— Зачем?

— Ты знаешь зачем, — сказал я раздражённо.

— Всё ради силы? Всё ради того, чтобы убить собак? — Он отвернулся от статуи, лишившейся

своего топора. Поднял капюшон с вуалью с лица и пронзил меня взглядом. — Ты думаешь, что лёгкий путь приведёт тебя туда?

Мои глаза сузились.

— Ты боишься, что ты не переживёшь путь завоевателей, — сказал Грифон. С уверенностью, которая заставила мою губу дёрнуться вверх. Он пошёл вперёд, держа в руке сверкающий бронзовый топор. — Ты боишься, что путь учёного займёт слишком много времени. И ты убедил себя, что путь чемпиона – это всего лишь свет и гром. Ты боишься, что ты не заслуживаешь хотеть этого.

Он остановился как раз за пределами досягаемости копья, которое он бросил мне. Одна из его панкратионовых рук протянулась через это расстояние и подняла капюшон с моего лица. Он улыбнулся с резким вызовом.

— Позволь твоему брату очистить твоё сердце от забот. Я сделаю это вместо тебя.

Я усмехнулся. Его улыбка только усилилась.

— Я пойду на глупый риск, — пообещал он мне. — Я пройду по коварным тропам и по непротоптанным дорогам. Когда собаки придут с лаем, я очищу эту землю от них во имя тебя.

Моя усмешка превратилась в рычание. Руки нашего влияния сцепились в тупиковой борьбе. Под анонимной пеленой вороньей тени мы боролись нашими идеалами вместо тел.

— Я верну тебе город Рим, — продолжал Грифон, и тот факт, что каждое слово было его истинным намерением, только сильнее злило меня. — Я буду сражаться во всех битвах, в которых ты не сможешь.

— Что ты делаешь? — спросил я его сквозь стиснутые зубы.

— Что-то другое. — Он продвинулся на шаг вперёд, в пределах досягаемости моего копья. Я шагнул вперёд, чтобы встретить его, в зону досягаемости его топора. В слабом свете разграбленного храма тень отца нависла над нами обоими в осуждении.

— Тебя это злит? — тихо прошептал он. — Мысль о том, что кто-то другой исправит то, что твои враги сломали? Если Рим – это всё, что есть в твоём сердце, то она не должна. Если твоё единственное желание – увидеть, как уничтожают псов Карфагена, то это должно быть лишь облегчением.

Что бы он ни увидел в моих глазах, похоже, ему это понравилось. Он продолжил с ужасным удовлетворением.

— Ты можешь сомневаться в себе, но ты не посмеешь сомневаться во мне. Я клянусь, что сделаю это. Я освобождаю тебя от этого бремени. Так что если это единственная причина, по которой ты всё ещё здесь, если это единственная причина, по которой ты всё ещё жив, в то время как все твои люди мертвы, тогда иди и присоединяйся к ним без сожалений. Будь свободен. А я позабочусь об остальном.

— Достаточно. Замолчи.

— Я отказываюсь. — Алые глаза заплясали. — Ты можешь лгать себе, но ты не можешь лгать мне. Тебя никогда не удовлетворит победа, которую ты не добыл собственными руками. Ты никогда не сможешь успокоиться, пока не разорвёшь этих животных на части и не съешь их бьющиеся сердца.

— Твоё добродетельное сердце не примет этот мир, пока ты не заберёшь его у них.

Гравитас сотрясал храм отца, три тысячи мертвецов давили на мои плечи, тяжесть команды была слишком тяжела, чтобы нести её. Всегда, навсегда слишком тяжела. Что ещё мне оставалось делать, кроме как нести её?

— Если не я, — прошептал я, — То кто?

Грифон лучезарно улыбнулся, стоя непоколебимо, пока одиннадцать каменных часовых рушились под тяжестью добродетели капитана. Он окинул кощунственное разрушение внимательным взглядом. Руки панкратиона пронесли по священному залу и собрали оставшееся бронзовое оружие.

— Нам надо будет найти место, где их хранить, — решил он, осматривая каждое по очереди. — Если оставить все, кроме двух, это будет слишком заметно. И кто знает? Возможно, мы ещё убедим наших товарищей софистов присоединиться к нашему скромному маленькому приключению. На самом деле...

Он сделал паузу, услышав треск костей. Моргнув, он уставился на фрагмент чернильно-чёрной кости, который я протянул ему. В центре осколка горел глубокий, яркий красный свет.

— О чём ты думаешь? — спросил он с чем-то похожим на ликование.

— Мы слепы без крыльев, — сказал я, бросая сломанную кость. Рука панкратиона поймала её до того как она упала. — Если мы не можем использовать этих падальщиков в жизни, то самое меньшее, что они могут сделать, это служить нам в смерти.

— Звучат опасно, — сказал Грифон. Он поднял бровь. — Двенадцать, чтобы посмотреть, кто будет первым?

Опасность. Риск. Определённая, неизбежная смерть. Возможно, Грифон был прав. Пора перестать притворяться, что в этом городе чудовищных варваров моё сердце колотится от ужаса, а не от предвкушения.

Капитан ведёт с фронта, сказал я ему голосом своей души и высосал звёздный костный мозг из кости.